

Научная статья
УДК 82-6
DOI: 10.20323/2499_9679_2023_2_33_18
EDN: IGRRYC

Европейские письма И. В. Киреевского в литературном контексте

Марина Дмитриевна Кузьмина

Кандидат филологических наук, доцент кафедры книгоиздания и книжной торговли Высшей школы печати и медиатехнологий, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна. 191186, г. Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, д. 18
mdkuzmina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1293-800X>

Аннотация. В статье рассматриваются письма И. В. Киреевского, написанные в 1830 г. во время пребывания в Германии и адресованные семье. Они включаются в современный им контекст корреспонденций русских путешественников по Европе, направлявших в Россию и, как правило, публиковавших свои тексты. Авторы травелогов, все без исключения, имели в виду традиции «Писем русских путешественников» Н. М. Карамзина, синтезировавших возможность путевого и эпистолярного жанра и во многих отношениях открывших новую эпоху в литературе. Письма Ивана Киреевского выделяются не только на их фоне, но и на фоне частных писем брата, Петра Киреевского, и друга, Николая Рожалина, находившихся в Германии одновременно с ним и часть времени даже проживших вместе с ним в Мюнхене. В отличие от них, он воспринимал свое пребывание в Германии и рефлексировал в посланиях к родным принципиально как «не-путешествие». «...цель моя – не смотреть, а учиться», – настаивал он. Во-первых, ситуация «не-путешествия», а во-вторых, особые права, даваемые сугубо частной семейной перепиской, и прежде всего право предельной избирательности, позволило ему не описывать свое пребывание в Европе в традициях книги Карамзина, поддержанных многочисленными травелогамы начала XIX в. Иван Киреевский не живописует родным ни красоты природы, ни достопримечательности. По его посланиям невозможно составить себе сколько-нибудь целостное представление о заграничье. Не описывая путешествие, Киреевский выступает в роли скорее наблюдателя-аналитика в отношении к Западной Европе и выносит нелестное суждение о ней. Гораздо больше его интересует покинутая Россия и покинутая любимая семья, остающаяся центральной темой его заграничных писем. Это позволило ему решить задачу, стоявшую перед авторами и травелогов, и публиковавшихся частных писем из путешествия – преодолеть инерцию карамзинской книги и найти ей альтернативу

Ключевые слова: И. В. Киреевский; травелог; путешествие; не-путешествие; путевое письмо; эпистолярный жанр; Н. М. Карамзин; «Письма русского путешественника»

Для цитирования: Кузьмина М. Д. Европейские письма И. В. Киреевского в литературном контексте // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 2 (33). С. 18–30.
http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_2_33_18. <https://elibrary.ru/IGRRYC>

Original article

I. V. Kireevsky's european letters in literary context

Marina D. Kuzmina

Candidate of philological sciences, associate professor, department of book publishing and book trade, Higher school of press and media technologies, St. Petersburg state university of industrial technologies and design. 191186, St. Petersburg, Bolshaya Morskaya st., 18
mdkuzmina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1293-800X>

Abstract. The article deals with I. V. Kireevsky's letters, written in 1830 during his stay in Germany and addressed to his family. They are incorporated into the contemporary context of correspondence from Russian travelers in Europe who sent their letters to Russia and, as a rule, published them. All the authors of travelogues without exception had in mind the tradition of N. M. Karamzin's Letters of Russian Travelers which combined the potential of the travel and epistolary genres and, in many respects, opened a new era in literature. Ivan Kireevsky's letters proved remarkable compared not only to other letters of this kind, but also to private letters of his brother, Peter Kireevsky, and his friend, Nikolai Rozhalin, who were in Germany simultaneously with him and even lived with him in Munich for some time. In

contrast to them, he viewed his stay in Germany as fundamentally as a «non-travel» in his letters to his family. «... my goal is not to watch, but to learn», he insisted. Both the «non-travel» situation and the special rights of strictly private family correspondence, as well as his utmost selectivity, allowed him not to describe his stay in Europe in Karamzin's tradition supported by numerous travelogues of the early XIX century. Ivan Kireevsky describes to his relatives neither the beauties of nature nor the sights. It is impossible to get any kind of a holistic view of foreign countries from his letters. Rather than describing the journey, Kireevsky acts as an analyst-observer with respect to Western Europe and makes an unflattering judgment of it. He is much more interested in the abandoned Russia and his abandoned beloved family, which remains the central theme of his letters abroad. This allowed him to solve the problem faced by the authors of both travelogues and private letters from journeys – to overcome the inertia of Karamzin's book and find an alternative to it.

Key words: I. V. Kireevsky; travelogue; travel; non-travel; travel letter; epistolary genre; N. M. Karamzin; «Letters from a Russian Traveler»

For citation: Kuzmina M. D. I. V. Kireevsky's European letters in literary context. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2023;(2):18–30. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_2_33_18. <https://elibrary.ru/IGRRYC>

Введение. В первой трети XIX в., когда письмо становится, по Ю. Н. Тынянову, «литературным фактом», – в число ведущих жанров выдвигается и травелог. Оба, по наблюдению Т. А. Роболи, включаются в число «культивируемых» литературных жанров из материала, находившегося «...за пределами высокой литературы» и составлявшего «литературный быт» [Роболи, 1926, с. 43]. Оба сохраняют связь с «бытом», дающую им преимущества. Как указывали исследователи травелога, он испытывал «большее, по сравнению с другими жанрами, влияние внелитературных обстоятельств, что определило и большую способность жанра непосредственно сообщаться с действительностью» [Гуминский, 1979, с. 23], открываться ей, охватывать «неорганизованное течение самой жизни» [Ивашина, 1979, с. 8]. То же самое нужно сказать и о письме. Одновременно переживая период расцвета и реализуя полноту своих возможностей, оба жанра обнаруживают немало общих черт, как, впрочем, и различий. Думается, теми и другими обусловлено начавшееся активное взаимодействие обоих жанров, дополнявших и обогащавших друг друга. Этот процесс облегчала присущая и травелогу, и письму, во-первых, большая свобода сюжетно-композиционного построения [см. подр.: Гуминский, 1979, с. 6–7]; во-вторых – поливалентность. Даваемые современными исследователями травелогу характеристики жанра «полилога», «метажанра», «над-жанра» [Пенская, 2013; Пономарев, 2013, с. 8–16; Шульгун, 2012] в полной мере могут быть отнесены и к письму. Подобно травелогу, оно легко включает в себя разные жанровые элементы. Один из основных для травелога – письмо, а для письма – травелог.

Впервые в истории русской литературы синтез возможностей путевого и эпистолярного

жанров, очень емкий и масштабный, осуществил Н. М. Карамзин в «Письмах русского путешественника», появившихся в преддверии XIX в. и ознаменовавших новую эпоху. На рубежно-эпохальный характер его книги указывали, пожалуй, все писавшие о ней. Обобщая суждения исследователей и подводя итог своим наблюдениям, В. М. Гуминский называет ее «важнейшим памятником самоопределения новой русской литературы» [Гуминский, 2017, с. 323].

Традиции «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина. Действительно, кажется, все без исключения русские путешественники на Запад конца XVIII – первой трети XIX в. имели в виду «Письма...» Карамзина. К поездке готовились по его книге, которую затем «проверяли» в ходе пути – либо с радостью соглашались с суждениями главного героя, либо с не меньшей радостью их оспаривали. Примечательно, что отец и сын, С. Т. и К. С. Аксаковы, независимо друг от друга и практически синхронно вспоминают о ней. Проводив Константина 7 июня 1838 г. в путешествие по Европе, Сергей Тимофеевич 10-го писал ему: «Вчера я имел время пробежать первый том „Писем русского путешественника>“; он произвел на меня особенное впечатление, ведь ты поедешь по той самой дороге!» [Аксаков С. Т., 1838, л. 6]. Константин, в свою очередь, едва отправившись в путь, 19 июня из Риги уведомлял родителей: «Собираюсь нынче же писать вам <...> большое письмо, где отдам возможный отчет о моем путешествии наподобие „Писем русского путешественника>“» [Аксаков К. С., 1838, с. 78]. Не упоминая о книге Карамзина, младший брат Ивана Киреевского Петр, уехавший на Запад в 1829 г., опирается на заложенные ею традиции в своих письмах к родным. В печать неоднократно попадают фрагменты из европейских писем друга Киреев-

ских Н. М. Рожалина, часть времени прожившего за границей (в Мюнхене) вместе с ними, – к их матери, А. П. Елагиной. Одна из публикаций имела характерный заголовок, отсылающий к карамзинской книге: «Отрывки из частных писем русского путешественника» [Рожалин, 1830]. И действительно, автор «частных писем» во многом наследовал традиции Карамзина: живописал европейские виды, выказывая свое отношение к ним. Очень показательно, например, письмо от 4 июня 1829 г., представляющее собой своеобразное продолжение «Писем русского путешественника».

Нерецепция карамзинских традиций в эпистолярной И. В. Киреевского. Тем примечательнее нерецепция карамзинских традиций в письмах Ивана Киреевского, отправившегося на Запад вслед за братом в 1830 г. Возможно, сказывалось то, что он воспринимал свою поездку как не-путешествие. Он ехал не осматривать достопримечательности и пейзажи, а учиться, именно поэтому его выбор пал не на самую интересную и живописную часть Европы – Германию, куда со времен Петра I было принято ездить с образовательной целью. Это, по характеристике современного исследователя, входило «...в качестве едва ли не самого необходимого, высшего элемента в общую систему образования привилегированного класса» [Гуминский, 2017, с. 288]. Кроме Германии, Киреевский ничего и не видел. Испрашивая разрешение на поездку у отчима, А. А. Елагина, и советуясь о ней с родственником и другом В. А. Жуковским, во многом заменившим осиротевшим в детстве Киреевским отца, Иван писал им одно и то же: «...цель моя – не *смотреть*, а *учиться* (здесь и далее курсив авторов цитируемых сочинений. – М. К.)» [Киреевский, 2018, с. 235], «...я еду не забавляться, а учиться» [Киреевский, 2018, с. 243]. Свято чтя благословение «Друга-Отца» [Киреевский, 2018, с. 328], Жуковского, который сам не раз посетил – и полюбил Германию [см. подр.: Лебедева, Янушкевич, 2000; Никонова, 2013], перед одной из поездок туда писал Елагиной, что «путешествие оживит и расширит душу» [Жуковский, 2020, с. 69], чего он, очевидно, ожидал и для Ивана, почему и посоветовал ему отправиться туда, – Иван поехал учиться в Берлин, откуда через Дрезден затем перебрался в Мюнхен, где вместе с братом продолжил обучение. Одно другому, впрочем, не мешало. Можно было и учиться, и пользоваться возможностями путешественника, впервые оказавшегося в Европе, как это

сделал Петр Киреевский и как отчасти делали позже прибывшие в Берлин же, и тоже с целью обучения, Т. Н. Грановский, Я. М. Неверов и Н. В. Станкевич, а также до них многие другие их соотечественники [см.: Козлов, 2003, с. 78–137; Кунеус, 1987; Морозова, 2008]. Не самая живописная часть Европы, Германия, была – наряду с Францией, Италией и Англией, – любимейшим местом для посещения у русских в XIX в. [см. подр.: Жданов, 2017, с. 170; Морозова, 2007; Фарафонова, 2016, с. 267]. Прибывшие туда русские путешественники ее охотно описывали – как в произведениях, предназначенных для публикации («Письма...» Карамзина, «Путешествие по Саксонии, Австрии и Италии в 1800, 1801 и 1802 годах» Ф. П. Лубяновского и др.), так и в частных письмах. Грановский и его друзья на фоне других мало актуализировали традиции карамзинской книги, – увлеченные «буффонадным» характером своей дружеской переписки, сближающим ее с арзамасской [см. подр. о последней: Гинзбург, 1987 а; Гинзбург, 1987 б]. Возможно, Киреевскому эти традиции представлялись не очень уместными в семейном эпистолярной. Хотя не только П. Киреевский, К. Аксаков, Н. Рожалин, но и Жуковский, пример которого должен был быть очень важным для Ивана, учли их в семейной переписке.

И. В. Киреевский – наблюдатель-аналитик. Е. И. Анненкова точно заметила, что Киреевский в Европе, «...вероятно, ощущает себя не путешественником, который на все готов смотреть, а скорее аналитиком...» и что критичные высказывания, которые он позволяет себе в отношении Германии и немцев, «...уже дают знать о скором размежевании русской мысли на славянофильство и западничество и предвещают будущие длительные размышления о ментальном несходстве русского и западного миров» [Анненкова, 2016, с. 51]. Действительно, в отличие от героя карамзинских «Писем...» и большинства последующих путешественников, «не-путешественник» Киреевский – в первую очередь аналитик. Из выделенных в обобщающей работе Г. В. Шпака четырех стратегий репрезентации пространства (или, как он их еще называет, авторских позиций относительно фиксируемого пространства), имеющих место в травелогах: «преодоление» (по характеристике исследователя, «метафора жизни»), «освоение» («метафора истории»), «изучение» («метафора истины»), «со-знание» («метафора красоты») [Шпак, 2016, с. 266], – для его эпистолярной наиболее характерна третья, побуждающая занять

«метапозицию» [Шпак, 2016, с. 266]. Именно «метапозиция», главным образом, и раскрывается в строках эпистолярия Киреевского, посвященных Европе. Он нарушает достигнутую в карамзинских «Письмах...» соразмерность между анализом и переживанием – в пользу первого и в ущерб второму.

При этом Киреевский сообщает родным в письмах и свои суждения о Европе, и впечатления от нее, и иногда некоторые сведения о ней, но не в тех формах и пропорциях, и не по тем причинам, по которым это делали Карамзин и его последователи. Для молодого «непутешественника» сообщение этих сведений стало, главным образом, возможностью не разлучаться с близкими: стараясь информировать их о своей жизни в Германии, он давал им возможность соприсутствовать и сопереживать ему, не теряя его из вида, и сам, как очевидно, чувствовал потребность разделять с ними все, чем живет. Характерно, что брату, Петру, Иван направил всего пару писем, из которых сохранилось второе (от <16-21 марта (28 марта) – 1 апреля>), с минимальными сведениями о Берлине и о его пребывании там (в тексте, правда, упоминается, что они были в первом письме, но неизвестно, в каком объеме): Петр тоже находился в Европе, хотя не в Берлине, а в Мюнхене, и братья вскоре должны были воссоединиться. Остальным же членам семьи, которые из России не выезжали и в разлуке с которыми Киреевский-старший рассчитывал прожить годы, он писал значительно чаще и сообщал значительно больше «европейских» сведений. Но не общезначимых, а значимых для него и его семьи. Сужение круга адресатов до узкого семейного привело к персонализации содержания.

Избирательность И. В. Киреевского-эпистолога к европейским реалиям. В отличие от Карамзина и путешественников первой трети XIX в., Киреевский-аналитик очень избирателен к европейским реалиям. Далеко не все и даже не многие из них он готов описывать. В наименьшей степени его внимание привлекло то, что обычно завораживает путешественников и традиционно лежит в основе сюжетов травелогов, – пейзажи и достопримечательности. Значимость того и другого в путевой литературе даже позволила О. С. Тополовой выделить ее особую жанровую форму – «описание» [Тополова, 2013]. Открытие пейзажа как способа психологической характеристики (а также создание мифопоэтического образа – земного Рая либо его антипода), –

как известно, одна из заслуг Карамзина-сентименталиста перед русской литературой. «Природоописания» (С. С. Жданов) играют существенную роль и в его «Письмах...» (а что указывал еще В. В. Сиповский [Сиповский, 1899, с. 401–409]), и в травелогах его последователей [см.: Жданов, 2018, с. 171–172]. Слабое внимание к этому аспекту снижает эмоциональность рецепции автора в отношении Европы, отображая слабый интерес к ней, неувлеченность ею. Киреевский относительно пейзажа пояснял родным: «Вы знаете, что я никогда не был энтузиастом природы...» [Киреевский, 2018, с. 312]. С ним в этом равнодушии к европейским видам соотносим, разве что, Грановский, для которого, как он пояснял, «природа хороша, но человек все-таки занимательнее и лучше» [Грановский, 2010, с. 302]. Еще более странно невнимание Киреевского к достопримечательностям, тоже роднящее его с Грановским. Но последний проявлял, по крайней мере, интерес к театру, о посещении которого неоднократно с увлечением писал в Россию. Первое же его европейское письмо и вовсе примечательно, поскольку составляет исключение на фоне других его писем: оно выдержано в традиции травелогов. Выступая в нем в роли «путешественника», автор описывает перипетии своего пути (путешествие как основа сюжета – одна из характерных черт травелога), достопримечательности и живописные виды. Думается, на тот момент он еще не определился со своей бытийной и эпистолярной позицией.

Киреевский же с ней определился с самого начала и, редко направляя домой письма, имел время ее обдумать. Очень любопытна рецепция традиции травелогов в его эпистолярии. Направляясь в Германию через Дерпт и Ригу, он пишет родным достаточно много и подробно, – но почти исключительно о семье. Поводом для этого становится не только свежая разлука с ней и тоска по ней, но и люди или места, встретившиеся ему по пути и обострившие переживание семейной темы. Так, непосещение «бабушки» [Киреевский, 2018, с. 264], Е. А. Протасовой, дом которой в Дерпте он проезжал глубокой ночью, или, наоборот, посещение в Риге прокурора О. Петерсона, живо напомнившего об оставленном в Москве дядюшке, А. П. Петерсоне, сводном брате матери, и, следовательно, обо всей семье, – выступают как полноправные темы писем. Они настолько поглощают внимание автора, что его попытки наряду с ними хотя бы в некоторой степени дать адресатам, несомненно, ожидаемую

этими последними информацию о том, о чем обычно сообщают путешественники, – оказываются несостоятельными.

В первом рижском письме Киреевский не более чем телеграфно обозначил буквально пару опорных пунктов, пригодных для двух больших самостоятельных эпистолярных сюжетов («Сегодня целый день провел я в расхаживании, в разъезде по городу, которого достопримечательности показывал мне этот милый, толстый прокурор (Петерсон. – М. К.). Сейчас из музея, где видел немцев, немцев, которые еще *ein geschmach* [нем. с большим вкусом] тех немцев, к которым еду» [Киреевский, 2018, с. 263]), но ни один из них под его пером не получил никакого развития, – казалось бы, по уважительной причине: «Прощайте, – объясняет автор родным, – уже 1 час, а завтра мне надобно вставать в 6-ть...» [Киреевский, 2018, с. 263]. На следующий день он пишет домой второе – объемное – письмо, в котором, как можно было ожидать, намеченные эпистолярные сюжеты будут развиты, но этого не происходит. Автор намечает другие, которые точно так же обрываются на этапе завязки. Между тем, он облачает повествование о них в форму саммари – преподносит как некий вывод, сделанный после знакомства с Ригой, и вновь прибегает к телеграфному стилю, более того – к нумерации: «Интересного в Риге я видел 1-е Die Domkirche, где недавно отвалился камень и открылся замуравленный человек: это был рыцарь, заколовший епископа в этой церкви: вот повесть для Погодина. Церковь сама стара только снаружи, а внутри все перекрашено, забелено и – чисто. 2. Дом Шварцгейтеров, das Schwarzhäghäuter, которого зала превращена в новую, но из-под нового можно отгадать и весело отгадывать бывшее старое. Я многое осматривал еще, но интересного, кроме этого, не видал; был, однако в музее, смотрел водопровод и беспрестанно гляжу на памятник 12-го года, который стоит перед моими окнами. Это такая же холодная металлическая Слава, какая стоит у нас на Красных воротах, только вместо Красных ворот узенькая колонна, вместо Москвы Рига, вместо – и пр. Забыл еще интересное: постыдный столп, к которому привязывали преступников» [Киреевский, 2018, с. 266–267].

Как можно заметить, Киреевский тяготеет традицией травелога, воспринятой путевым дневником и письмом, – описывать свой путь, достопримечательности, виды, стараться дать адресатам как можно более полное представле-

ние о посещенном месте. С ощутимой неохотой он констатировал посещение музея (даже дважды), осмотр водопровода и памятника, практически совсем не раскрыв содержание увиденного, – не пояснив даже, в каком музее был. Вероятно, по его мысли, достопримечательности и их описания в путевой литературе достаточно единообразны и хорошо известны всем его современникам, в том числе членам семьи, останавливаться на них ему неинтересно. Характерны слова, завершающие его саммари. «Довольны ли вы моей аккуратностью?» [Киреевский, 2018, с. 267] – спрашивает он у близких, не осознавая, что не рассказал, в сущности, ничего, и думая, что отдал дань традиции. Но, впрочем, сразу прибавляет: «Чего я не рассказал, то легко можете отгадать» [Киреевский, 2018, с. 267]. Молодой эпистограф четко разделяет неинтересное и интересное ему, предпочитая останавливаться только на последнем. Примечательно, что этого последнего оказывается гораздо меньше, чем первого. Европа слишком хорошо известна и не слишком интересна, буквально декларируют письма Киреевского, выражая высшую степень русского европеизма и одновременно высшую степень его преодоления. То же самое обнаруживают и последующие письма.

Дрезден и Дрезденская картинная галерея в письмах И. В. Киреевского. Интересна предпринятая им попытка рассказать родным о посещении Дрездена, куда он заехал в начале апреля 1830 г. по пути из Берлина к брату в Мюнхен, и знаменитой Дрезденской картинной галереи. Он предпринял эту попытку дважды: во-первых, в письме к Петру в Мюнхен, во-вторых, в письме к родным в Москву. Обращаясь к брату, эпистограф максимально редуцировал обещанное было первыми строками описание: «Из любопытных вещей, виденных мною, первое место занимает здешняя картинная галерея. Слишком длинно было бы рассказывать все особенности впечатлений, которые я вынес отсюда. Скажу только, что здесь в первый раз видел я одну Мадонну Рафаеля, которая мне крепко понравилась, или, лучше сказать, *посердечилась*» [Киреевский, 2018, с. 291–292]. Вместо описания галереи – речь об одной картине, а точнее, о личном впечатлении от нее, – на фоне карамзинских «Писем...» и травелогов первой трети XIX в. очень неожиданным: «...чем больше я всматривался в Мадонну, тем живее являлся предо мною образ Машки (сестры, М. В. Киреевской. – М. К.) и, наконец, так завладел мною, что я из-за него по-

чти не понимал других картин, и на Рубенса и Фандика смотрел, как на обои» [Киреевский, 2018, с. 292]. Иван далее осведомляется у Петра: «Видел ли ты, и сколько раз, твою Мюнхенскую галерею, которая, как говорят, одна из замечательнейших в Европе?» [Киреевский, 2018, с. 292], – но тут же дает понять, что лично ему ни она, ни впечатления брата от нее неинтересны, поскольку прибавляет: «Не можешь ли ты прислать мне что-нибудь из твоего путешествия и мюнхенской жизни для Погодина или Дельвига, который издает «Литер<атурную> газету» вместе с Пушкиным, Баратынским и Вяземским? Оба велели просить тебя об этом» [Киреевский, 2018, с. 292]. И поясняет в отношении себя: «Я также обещал обоим; но мои наблюдения были до сих пор так *индивидуальны*, как говорят немцы, что могут быть интересны только для близких, кому я сам интересен. *Общелюбопытного* я видел еще немного, а то, что видел, стоит большого труда обделать в хорошую журнальную статью, – а для журнального труда мне до сих пор не было времени» [Киреевский, 2018, с. 292–293]. В письме к семье, по прошествии нескольких недель, Киреевский еще более, хотя более, казалось бы, уже и некуда, редуцировал свой отзыв о картинной галерее, как и о самом Дрездене: «В Дрездене пробыл я три дня, видал галерею, слышал славный концерт и лучших певцов и музыкантов <...>. Город самый я вам описывать не стану, потому что дерзко, да к тому же вы можете расспросить об нем у Пушкиных. <...>. Музыку описывать нельзя, галерею описывать много. Скажу только, что Рафаэлевой Мадонны я не понял; в Корреджиевой Магдалене, кот. искал, но не мог найти ничего нового и отличного от конрадовской и крепко подозреваю последнего, что он не сам скопировал, а украл свою копию у какого-нибудь отличного мастера. Зато другие картины произвели на меня тем большее впечатление; но если бы я хотел вам *рассказать* впечатление от этих картин, то говорил бы не об них, и потому оставляю это до свидания» [Киреевский, 2018, с. 294–295].

Итак, как и в ранних, рижских, письмах, Киреевский четко разграничивает, с одной стороны, описание достопримечательностей, с другой – личные впечатления. Первое, занимало, как можно вспомнить, очень важное место в «Письма русского путешественника» (ср. о том же Дрездене и Дрезденской галерее: «Дрезден едва ли уступает Берлину в огромности домов; но только улицы здесь гораздо теснее. Жителей

считается в Дрездене около 35 000: очень не много по обширности города и величине домов! <...> пошел я в славную картинную галерею, которая почитается одною из первых в Европе. Я был там три часа, но на многие картины не успел и глаз оборотить; не три часа, а несколько месяцев надобно, чтобы хорошенько осмотреть сию галерею. Я рассматривал со вниманием Рафаэlevу Марию (Которая держит на руках Младенца, и перед Которой стоят на коленях Св. Сикстус и Варвара); Корреджиеву *ночь* о которой столько писано и говорено было, и в которой наиболее удивляются смеси света со тьмою...» [Карамзин, 1984, с. 51–53] – и далее на полстраницы перечень увиденных картин с их краткими характеристиками, очень информативный текст) и в последующих ему текстах. Целую страницу посвятил описанию Дрездена и Рожалин, но, улавливая тенденции своей эпохи, эпохи романтизма, постарался заключить рассказ личными субъективными приоритетами и суждениями: «Если в Дрездене нет пищи для рассеянности, то много пособий для человека, преданного учению: огромная Королевская библиотека <...>, хорошие частные библиотеки для чтения, много книжных лавок, музеум...» [[Рожалин], с. 299–300]. По мысли же Киреевского, описание в духе Карамзина уместно в опубликованном сочинении, – скажем, в журнальной статье, – но не в частном письме. Подготовку такого описания он понимает как дело большое, долгое, трудоемкое, на которое у него сейчас нет времени, и, кроме того, усматривает проблему в отборе материала: многие сведения о Европе общедоступны и общеизвестны (так, о Дрездене можно «расспросить <...> у Пушкиных»), вместе с тем «*общелюбопытного*», действительно заслуживающего внимания читательской аудитории, Киреевский-аналитик, прожив несколько месяцев в Берлине и посетив Дрезден, «видел еще немного», – в противовес Карамзину, Рожалину и другим авторам, в центре внимания которых было «*все примечательное*» (слово, по наблюдению Н. Г. Морозовой, неоднократно повторяющееся на страницах европейских писем Д. И. Фонвизина) [Морозова, 2007, с. 163].

Наиболее уместным в частных семейных письмах молодой эпистограф считает изложение личного отношения к увиденному, что глубоко логично с учетом того, что главная тема этих писем – он и его любимая семья, по которой он скучает и которая, как он знает, скучает по нему. Личное отношение к европейским реалиям

у молодого эпистолога «двупланово». Оно складывается, во-первых, из впечатлений и, во-вторых, из анализа и оценки. Слово «впечатление», поддерживаемое такими синонимами, как «понравилась», «*посердечилась*», выступает в европейских письмах Киреевского одним из ключевых и играет гораздо большую роль, чем в книге Карамзина, где, разумеется, тоже отображалось личное отношение к увиденному (ср., напр., весьма сжато о впечатлении в связи с Дрезденом: «Ввечеру гулял я в саду, который называется Zwinger Garten [*нем.* Цвингеровский сад], и который хотя не велик, однако ж, приятен» [Карамзин, 1984, с. 55], – и с Дрезденской картинной галереей: «Между прочими картинами есть прекрасные перспективы и такие живые изображения винограда и других плодов, что хочется их взять» [Карамзин, 1984, с. 55]). Это очень показательно, поскольку раскрывает живой процесс взаимодействия с Западом русского, прибывшего на Запад, произвольные реакции на европейские артефакты, – процесс, дополняемый и корректируемый (иногда оспариваемый) анализом. Впечатления и анализ, получающие в письмах Киреевского, с одной стороны, точно так же, как и у многих его современников-романтиков, а с другой – очень по-своему, предпочтению перед описанием достопримечательностей, вновь, с одной стороны, визуализируют (в частности, за счет интериоризации европейских реалий, имевшей место и в карамзинской книге), а с другой – нивелируют его русский европеизм. Показательно, что, предпочтя описанию Рафаэлевой Мадонны впечатление от нее, молодой эпистограф увидел в ней сестру, «Машку», через это понял и почувствовал, полюбил что-то свое в картине – в итоге же не понял и не принял картину. В последующих письмах Киреевский не раз будет подвергать ее критике и повторять, что «язык не поднимается хвалить ее» [Киреевский, 2018, с. 317]. Итак, в его эпистолярии с течением времени анализ берет верх над впечатлением. Это, впрочем, было так и в отдельно взятом вышецитированном письме к родным, где могло быть объяснено его написанием по прошествии нескольких недель после посещения Дрездена и картинной галереи, когда впечатления несколько изгладились и сложились выводы. Интереснее другое: ни анализ, ни впечатления Киреевского, в сущности, ничего не сообщают родным о посещенной им галерее, точно так же как ничего нового они не сообщают им и о нем самом. Должно быть, осознав тупиковость ситуации,

эпистограф прекращает попытки, тем более что его впечатления, несильные с самого начала, планомерно ослабевают, а суждения оказываются не в пользу галереи («...Рафаэлевой Мадонны <...> не понял; в Корреджиевой Магдалене <...> не мог найти ничего нового и отличного от Конрадской и крепко подозреваю последнего, что он <...> украл свою копию...»).

Немецкий театр в письмах И. В. Киреевского. Из всех реалий немецкой культурной жизни, ему, как и Грановскому, в наибольшей степени был интересен театр. Но очень недолго. Как и в отношении картинной галереи, в отношении театра опираясь на свои впечатления и суждения, Киреевский быстро в нем разочаровался. «...видел всех лучших актеров в хороших пьесах, – писал он родным, – но больше не пойду, потому что ни одно представление мне не пришлось по вкусу. Тасса, Гете, я смотрел даже с досадою, несмотря на то, что его играли лучшие актеры <...>. Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что ни один актер не понял поэта...» [Киреевский, 2018, с. 274]. Оглядываясь вокруг, Киреевский замечает свое «несовпадение» с немецкой публикой, которая «в восторге» [Киреевский, 2018, с. 274] от этих представлений. Молодой аналитик очень быстро разочаровывается и в ней, понаблюдав за ее поведением и изучив ее реакцию: «В трагедиях всякий крик, *особенно неуместный*, непременно аплодирован. Все истинное, простое, естественное не замечено, как бы не было. <...> чем больше актеры горячатся, тем больше им хлопают; чем напыщеннее стих, тем больше восхищает он публику. <...> Немцы хотят каждой глупости, аплодируют каждой непристойности» [Киреевский, 2018, с. 274–275]. Разочаровавшись в берлинском и вместе с ним в целом в немецком театре, Киреевский дал себе «зарок» [Киреевский, 2018, с. 283] больше там не бывать – возможно, по этой причине и не посетил дрезденский.

Аналитик расширяет сферу своих наблюдений за немцами – и приходит к схожим выводам. «Я вслушивался в разговоры простого народа на улицах, – пишет он родным, – и заметил: они вообще любят шутить, но с удивлением заметил также, что шутки их почти всегда одни и те же. Сегодня он повторит *с удовольствием* ту же замысловатость, которую отпустил вчера, завтра также не придумает к ней ничего нового и, несмотря на то, повторит опять <...> новое он поймет и примет не прежде, как слышавши раз двадцать от других. Оттого нет ничего глупее,

как видеть смеющегося немца, а он смеется непрерывно» [Киреевский, 2018, с. 275]. «Вслушиваясь», «видя» и «с удивлением замечая» косность и глупость немцев, отсутствие у них естественности и эстетического вкуса, проявляемую и в отношении к искусству, и безотносительно к нему, – Киреевский с удовольствием занимает позицию непричастности к ним, наблюдателя, аналитика, русского, во многом их превосходящего, лучше понимающего произведения немецкой классики, чем они. Он с удовольствием стоит на позиции «не-путешественника», подчеркнуто не стремящегося обозреть и «присвоить» все достижения европейской культуры, не испытывающего пиетета перед ней, строго критичного и избирательного в ее отношении, и особенно не желает ассимилироваться с современными немцами.

Избранная Киреевским позиция аналитика-«не-путешественника» требовала от него стремления к объективности, и он действительно не торопится с оценками. Замечая отрицательные моменты, ищет и положительные, фиксирует как те, так и другие в письмах к родным. Скажем, признавая за трагедией Раупаха «Генрих VI» «неестественность и нехудожественность целого и частей», – говорит о «красоте и силе» отдельных стихов и об «эффектности некоторых сцен», которые «невольно увлекают и трогают» [Киреевский, 2018, с. 274]. Часть новых немецких комедий оказывается, по его словам, «гораздо лучше на сцене» [Киреевский, 2018, с. 274], чем он ожидал, а немецкая публика – не хуже, чем русская (которая «так же безвкусна и глупа» [там же]), и даже «более образованна» [Киреевский, 2018, с. 274]. Некатегоричные, отрицательно-положительные, но с очень большим перевесом отрицательных перед положительными, суждения Киреевского о немцах предстают тем более уничижительными.

Немецкий университет и профессура в письмах И. В. Киреевского. Отринув театр и другие стороны немецкой жизни, Киреевский сосредоточился на том, ради чего прибыл в Германию. Он много, больше, чем в России, читает, с усердием посещает лекции в Берлинском, а затем в Мюнхенском университете; не довольствуясь стенами аудиторий, бывает на дому у таких известных ученых, как Г. В. Ф. Гегель, Ф. В. Й. Шеллинг, Л. Окен. Старается извлечь из пребывания в Германии максимальную пользу. Университет, лекции становятся одной из ключевых тем европейских писем Киреевского, что состав-

ляет яркое отличие его «не-путешествия» от путешествий героя Карамзина и многочисленных травелогов, затрагивавших эту тему лишь по касательной (ср. в карамзинских «Письмах...»: «Я познакомился здесь (в Страсбурге. – М. К.) с одним магистром, очень любезным человеком, который водил меня в университет, в анатомический театр, в медицинский сад, и который ныне за обедом и за ужином пил здоровье отечественных друзей моих» [Карамзин, 1984, с. 96]).

В отличие от всех других сторон немецкой жизни, в отношении науки и университета Киреевский склонен занимать позицию не столько аналитика, сколько ученика. Впрочем, как это, казалось бы, ни невозможно, сквозь ученика в нем всегда проглядывает наблюдатель-аналитик. Верный себе, молодой эпистограф старается не спешить с выводами, но, начав посещать университетские занятия, он в первом письме к семье, от <11-13 (23–25) февраля 1830 г.>, едва сдерживает восторг. Эта эмоция почти совсем отсутствовала или была очень сдержанна в «Письмах...» Карамзина, старательно позиционировавшего своего «русского путешественника» «на равных» с европейцами, человеком, воспитанным на европейской культуре, привыкшим к ней, не удивляющимся и не восхищающимся ей в сколько-нибудь большой степени. Восторг выдает в Киреевском ученика. Его переполняют положительные эмоции от тех лекций, которые он уже успел послушать («Я был два раза на лекции у Риттера. Он читает географию <...>. Один час перед его кафедрой полезнее целого года одинокого чтения. Каждое слово его было для меня новостью <...>. Присоедините к этому дар слова, отменно приятный, спокойный и немножко поэтический...» [Киреевский, 2018, с. 270]), и он с нетерпением ожидает дальнейших занятий. «Кроме Риттера, – сообщает Киреевский, как чувствуется, с радостным волнением, на одном дыхании, – я буду еще слушать Раумера, профессора новейшей истории Stuhr, также профессора восемнадцатого столетия, и, может быть, некоторых других...» [Киреевский, 2018, с. 270]. В приведенных строках Киреевский выражает обычное для своих современников-соотечественников, прибывших в Европу, отношение к ней и к ее университету; такое же, какое обнаруживали и Грановский, Неверов, Станкевич. Но, в отличие от них, он даже в стенах университета не забывает о семье, стремясь разделить с ней его пользу: «Каждую лекцию я буду записывать и присылать вам экстракты всего ин-

тересного» [Киреевский, 2018, с. 270]. Правда, в отличие, скажем, от П. И. Макарова, в «Письмах из Лондона» успешно «уравновесившего» отрицательные наблюдения над европейской жизнью – положительными, Киреевский от письма к письму все менее преуспевает в отношении последних.

Уже во втором письме к семье из Берлина, от <20 февраля (4 марта) – марта 1830 г.>, в котором автор по-прежнему старается не спешить с выводами и быть объективным, отношение к университету – впечатления от него и суждения о нем – кардинально меняется: «К брату я писал почти тотчас по приезде <...>. Я звал его на будущий семестр в Берлин, надеясь, что здешний университет будет для него полезнее Мюнхенского. Но теперь вижу, что ошибся: исторические лекции здесь не стоят ни гроша; не потому, чтобы профессора не были люди ученые и особенно в своей части; но потому, что они читают отменно дурно. Stuhg читает историю 18-го века по тетрадке, написанной весьма посредственно <...>. Раумер, славный ученый Раумер, всю лекцию наполняет чтением реляций и других выписок из публичных листов» [Киреевский, 2018, с. 272]. Характеристики, даваемые эпистолографом берлинским лекторам и их аудитории, очень напоминают те, которые он давал актерам и театральной публике, как и народу на улицах. Ср. о лекторах: «Когда удастся им сказать что-нибудь соленое, т. е. соленое на немецкий вкус, то они так радуются этой находке, что жуют и пережевывают свою соль до тех пор, пока она совершенно распустится, а между тем вся аудитория громко хохочет» [Киреевский, 2018, с. 272]. Складывающееся у Киреевского-аналитика представление о Германии получалось очень целостным. Л. Г. Фризман в свое время точно заметил: «...он далеко от того, чтобы восторгаться всем, что видел и слышал в Берлине. У него свой взгляд на вещи, он судит посещаемые им лекции, судит строго, порой язвительно. <...> Очень характерны театральные впечатления Киреевского. Спектакли, которые он видел, не отвечали требованиям простоты и естественности, предъявляемым к сценическому действию. С этой точки зрения его не удовлетворяли немецкие актеры и в еще большей степени немецкая публика. В целом путешествие, от которого Киреевский ждал так много, оказалось разочаровывающим» [Фризман, 1989, с. 414–415]; и Е. Л. Рудницкая справедливо заключала: «Критическое начало по отношению к европейским авторитетам, духов-

ному, нравственному уровню немецкого общества превалирует в заграничных впечатлениях Киреевского» [Рудницкая, 1999, с. 89].

Симптоматично, что данное Киреевским в первом письме к родным обещание: «Каждую лекцию я буду записывать и присылать вам экстракты всего интересного...» [Киреевский, 2018, с. 270], – в последующих сменяется на: «Шеллинговы лекции легли довольно стройно, и потому я их пришлю <...> к Папиньке <...> эти лекции писал так, что, кажется, и вы прочтете их не без удовольствия» [Киреевский, 2018, с. 301], «Шеллинговы лекции вряд ли я пришлю к вам, потому что гора родила мышь. <...> против прежней его системы нового не много» [Киреевский, 2018, с. 305], «Лекции Шеллинга я перестал записывать. Их дух интереснее буквально. Вместо присылки их самих <...> я лучше напишу вам что-нибудь из них, когда будет время...» [Киреевский, 2018, с. 309].

Итоговое суждение И. В. Киреевского-эпистолографа о Германии и немцах. Итоговое для своей метапозиции в отношении Германии и немцах суждение Киреевский сформулировал в письме к сестре по истечении полугода пребывания в Европе. Хотя он проживет там еще несколько месяцев, оно не будет им ни пересмотрено, ни даже подкорректировано. Ранее осторожный, соизмеряющий свои «отрицательные» и «положительные» наблюдения и не спешащий с выводами, Киреевский к этим выводам пришел – и теперь говорит со всей определенностью: «...я надеюсь по крайней мере во сне (о России и родном доме. – М. К.) освободиться от Германии, которую, впрочем, я не нелюблю, а ненавижу! Ненавижу как цепь, как тюрьму, как всякий гроб, в котором зарывают живых. Ты из своей России не можешь понять, что такое эта Германия. Все, что говорят об ней путешественники, почти все вздор. Если же хочешь узнать, что она такое, то слушай самих немцев. Одни немцы говорят об ней правду, когда называют ее землей дубов (das Land der Eichen), хотя дубов в Германии, кроме самих немцев, почти нет. Зато эти из всех самые деревянные» [Киреевский, 2018, с. 319–320]. В приведенных строках налицо то, что О. В. Кульбицкая предложила называть «метафоризацией пространства». Как показало ее исследование, это явление обычно для восприятия «чужого» пространства путешественником, или для дестинации, если воспользоваться еще одним предложенным ею термином [Кульбицкая, 2018, с. 272]. Любопытно, что в представленном

О. В. Кульбицкой обзоре «формул травелогем», накопленных за историю человечества, наиболее близкой к тому, что описал Киреевский сестре, оказывается наиболее архаическая, актуальная для литератур Древнего Востока, в которых «...дестинация чаще всего насыщается сакрально значимыми предметами (путешествие в загробный мир, возвращение на родину) – <...> актуализируются архетипические модели дома, утробы, могилы, путь к которым причудлив и извилист» [Кульбицкая, 2018, с. 272]. Причем автор письма очень избирателен в отношении к ним. Первые две из них («дом», «утробу»), витальные, – он актуализирует в связи с семьей и Россией, третью же («могилу»), – в связи с Германией. Образная картина, нарисованная автором письма, жутка, почти гротескна. Германия видится ему неживой, фантазмагоричной, под оболочкой людей-жителей в ней скрываются дубы, по-видимому, уже срубленные или на корню засохшие (о чем говорит эпитет «деревянные»). Более того, она видится ему непригодной для жизни и убивающей. Характерна градация: цепь – тюрьма – гроб, «в котором зарывают живых». Характерен мотив срывания масок, в которых, по мысли Киреевского, Европа предстает, во-первых, взорам путешественников, во-вторых, в записках путешественников.

Русская тема в письмах И. В. Киреевского.

Он предпочитает говорить не о ней, а о себе – о своих мнениях и впечатлениях, и об оставленной в России, безмерно любимой семье. В нем уже зреет будущий славянофил. Примечательно, что любую европейскую и даже самую, казалось бы, интересную ему – университетскую или научную – тему Киреевский с легкостью и радостью меняет на семейно-русскую, не только всегда гораздо более интересную для него, но и безмерно им любимую, бесценную для него, – обычно с тем чтобы уже не возвращаться к европейской. Так, он прекращает рассуждения о лекции Ф. Д. Э. Шлейермахера, с энтузиазмом переходя к разговору о письме от брата («Но довольно об Шлейермахере <...> нашел я письмо от брата, милое, теплое, и опять все об вас...» [Киреевский, 2018, с. 283]); размышления о немцах, казалось бы, увлекшие его («...нет ничего глупее, как видеть смеющегося немца, а он смеется беспрестанно» [Киреевский, 2018, с. 275]), буквально на полуслове обрываются восторженным обращением к родным: «Наконец письмо от вас! Я не умею выразить, что мне получить письмо от вас!» [Киреевский, 2018, с. 275].

Но, находясь в Германии, он еще лелеет мечту о неведомой ему «не-немецкой» Европе, хочет посетить Францию и Италию, грезит об итальянском небе. Так и не увидев «не-немецкой» Европы, он по возвращении домой постарается воплотить свои мечты о ней, издавая журнал «Европеец», который, как известно, просуществовал недолго. Пережитые в связи с ним потрясение и разочарование ускорят изменения в мировоззрении.

Заключение. Пока же, в письмах к родным из Германии, Киреевский немало делал для развития эпистолярного жанра, предлагая альтернативу как «буффонадному» дружескому письму 1830-х гг., оттеснившему на периферию семейную переписку, так и исповедальной сентиментальной эпистолографии конца XVIII – начала XIX в., в развитие которой большой вклад внес Карамзин. И, главным образом, молодой корреспондент в частой переписке блистательно решил задачу, над которой тщетно трудились все его современники – авторы травелогов, пытавшиеся, с одной стороны, учесть традиции «Писем русского путешественника», с другой – либо по-своему развить их, либо «оспорить», выйти за их пределы. Киреевский, возможно, даже неосознанно для себя нашел способ преодолеть инерцию карамзинской книги. Исходной для обозначенной им альтернативы стала, во-первых, позиция «не-путешественника», определявшая принципиально иной ракурс рецепции европейских реалий, а во-вторых, большая, всепоглощающая любовь к оставленной в России семье, сильно заслонявшая для него европейские реалии. То и другое позволило ему очень в духе его эпохи, эпохи романтизма, по-своему, лично, неповторимо воспринять Европу и отозваться о ней, с другой – в противовес большинству его современников, отозваться о ней, акцентируя не столько ее объективную данность и свои эмпирические впечатления, сколько суждения и выводы наблюдателя-аналитика. Корреспонденции молодого эпистолографа высветили новый, вышний, по сравнению с карамзинским и посткарамзинским, уровень русского европеизма и одновременно едва ли не высшую же степень его преодоления, анонсировав дискуссии славянофилов и западников о России и Европе, которые определяют вектор русской общественной жизни 1840–1850-х гг. и в которых сам Киреевский сыграет одну из ведущих ролей.

Библиографический список

1. Аксаков К. С. Письма из-за границы в 1838 году / предисл. и примеч. Г. М. Князева // Космополис. 1898. № 1. С. 72–83.
2. Аксаков С. Т. Письмо к К. С. Аксакову от 10 июня 1838 г. // ОР РГБ. Ф. 3, к. 3, ед. хр. 23-а. 36 л.
3. Анненкова Е. И. Письма Н. В. Гоголя из Германии в контексте корреспонденций русских путешественников первой половины XIX века // Творчество Гоголя и европейская культура. Пятнадцатые Гоголевские чтения. Сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч. конф. Москва; Вена : Новосибирский издательский дом, 2016. С. 50–61.
4. Гинзбург Л. Я. «Застенчивость чувства». По поводу писем людей пушкинского круга // Красная книга культуры. Москва : Искусство, 1987. С. 183–188.
5. Гинзбург Л. Я. Эвфемизмы высокого (По поводу писем людей пушкинского круга) // Вопросы литературы. 1987. № 5. С. 199–208.
6. Грановский Т. Н. Письма // Грановский Т. Н. Публичные чтения. Статьи. Письма / сост. А. А. Левандовский, Д. А. Цыганков, вступ. ст. и коммент. В. Л. Семигина, Д. А. Цыганкова. Москва : Российская политическая энциклопедия, 2010. С. 272–431.
7. Гуминский В. М. Проблема генезиса и развития жанра путешествий в русской литературе. Москва, 1979. 24 с.
8. Гуминский В. М. Русская литература путешествий в мировом историко-культурном контексте. Москва : ИМЛИ РАН, 2017. 605 с.
9. Жданов С. С. Идиллический образ Германии в русском сентиментализме рубежа XVIII–XIX веков (на материале произведений Н. М. Карамзина и Ф. П. Лубяновского) // Сибирский филологический журнал. 2018. № 2. С. 53–66.
10. Жданов С. С. Образ Германии в отечественных травелогах рубежа XVIII–XIX вв.: природное и человеческое пространства (к постановке проблемы) // Вестник Томского гос. ун-та. Сер. Филология. 2017. № 49. С. 168–187.
11. Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 16. Письма 1818–1827 годов. Москва : Издательский дом ЯСК, 2020. 1152 с.
12. Ивашина Е. С. О специфике жанра «путешествия» в русской литературе первой трети XIX в. // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1979. № 3. С. 3–16.
13. Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Ленинград : Наука, 1984. 717 с.
14. Киреевский И. В. Письма. 1816–1839 // Киреевский И. В. Полн. собр. соч. и писем: В 3 т. Санкт-Петербург : Росток, 2018. Т. 1. С. 183–427.
15. Козлов С. А. Русский путешественник эпохи Просвещения. Санкт-Петербург : Историческая иллюстрация, 2003. 496 с.
16. Кульбицкая О. В. Дестинация как элемент травелогемы: способы метафоризации и освоения пространства // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2018. № 9 (87). Ч. 2. С. 271–275.
17. Кунеус З. Русские студенты в берлинском университете в 1837–1839 гг. // Из истории русско-немецких литературных взаимосвязей / под ред. В. И. Кулешова и В. Фейерхерд. Москва : Изд-во МГУ, 1987. С. 88–96.
18. Лебедева О. Б., Янушкевич А. С. Германия в зеркале русской словесной культуры XIX – начала XX века. Köln : Bohlau Verlag, 2000. 274 с.
19. Морозова Н. Г. Грани восприятия Германии в контексте русской литературы «путешествий» // Филология и человек. 2008. № 2. С. 9–17.
20. Морозова Н. Г. Экфрасис в русском травелоге конца XVIII в. // Альманах современной науки и образования. Тамбов : Грамота, 2007. № 3. Ч. 1. С. 162–165.
21. Никонова Н. Е. В. А. Жуковский и немецкий мир. Томск, 2013. 45 с.
22. Пенская Е. Н. Травелог как полилог (Типология жанра в семейных мемуарах Салиасов – Сухово-Кобылиных) // Россия – Италия – Германия: литература путешествий. Томск : Изд-во Томского гос. ун-та, 2013. С. 416–465.
23. Пономарев Е. Р. Типология советского путешествия: «Путешествие на Запад» в литературе межвоенного периода. Изд. 2-е, испр. и доп. Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУКИ, 2013. 412 с.
24. Роболи Т. А. Литература «путешествий» // Русская проза. Сб. ст. / под ред. Б. М. Эйхенбаума и Ю. Н. Тынянова. Ленинград : Academia, 1926. С. 42–73.
25. Рожалин Н. М. Отрывки из частных писем русского путешественника // Московский вестник. 1830. Вып. 2. С. 296–303.
26. Рудницкая Е. Л. Поиск пути. Русская мысль после 14 декабря 1825 года. Москва : Эдиториал УРСС, 1999. 272 с.
27. Сиповский В. В. Н. М. Карамзин – автор «Писем русского путешественника». Санкт-Петербург, 1899. 579 с.
28. Тополова О. С. «Описание» как жанровая разновидность светских путевых записок второй половины XVIII века // Вестник Рязанского гос. ун-та им. С. А. Есенина. 2013. № 1 (38). С. 65–72.
29. Фарафонова О. А. Маршруты русских травелогов XVIII века // Русский травелог XVIII–XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2016. С. 261–285.
30. Фризмэн Л. Г. Иван Киреевский и его журнал «Европеец» // Европеец. Журнал И. В. Киреевского. 1832 / подг. изд. Л. Г. Фризмэна. Москва : Наука, 1989. С. 285–479.
31. Шпак Г. В. Травелог: поиск универсальной дефиниции. Четыре стратегии репрезентации пространства // Преподаватель XXI век. 2016. № 2–3. С. 261–267.
32. Шульгун М. Э. Проблема жанровой и мета-жанровой специфики путешествий // Русская литература. Исследования. Сб. науч. тр. Киев, 2012. Вып. 16. С. 141–159.

Reference list

1. Aksakov K. S. Pis'ma iz-za granicy v 1838 godu = Letters from abroad in 1838 / predisl. i primech. G. M. Knjazeva // Kosmopolis. 1898. № 1. S. 72–83.
2. Aksakov S. T. Pis'mo k K. S. Aksakovu ot 10 ijunja 1838 g. = The letter to K.S. Aksakov of 10 June 1838 // OR RGB. F. 3, k. 3, ed. hr. 23-a. 36 l.
3. Annenkova E. I. Pis'ma N. V. Gogolja iz Germanii v kontekste korrespondencij russkih puteshestvennikov pervoj poloviny XIX veka = N. V. Gogol's letters from Germany in the context of Russian travelers' correspondence of the first half of XIX century // Tvorchestvo Gogolja i evropejskaja kul'tura. Pjatnadcatye Gogolevskie chtenija. Sb. nauch. st. po materialam Mezhdunar. nauch. konf. Moskva; Vena: Novosibirskij izdatel'skij dom, 2016. S. 50–61.
4. Ginzburg L. Ja. «Zastenchivost' chuvstva». Po povodu pisem ljudej pushkinskogo kruga = «Shyness of feeling». With regard to letters of the people from Pushkin's circle // Krasnaja kniga kul'tury. Moskva: Iskusstvo, 1987. S. 183–188.
5. Ginzburg L. Ja. Jevfemizmy vysokogo (Po povodu pisem ljudej pushkinskogo kruga) = Euphemisms of the high (On letters of the people from Pushkin's circle) // Voprosy literatury. 1987. № 5. S. 199–208.
6. Granovskij T. N. Pis'ma = Letters // Granovskij T. N. Publichnye chtenija. Stat'i. Pis'ma / sost. A. A. Levandovskij, D. A. Cygankov, vstup. st. i komment. V. L. Semigina, D. A. Cygankova. Moskva: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija, 2010. S. 272–431.
7. Guminskij V. M. Problema genezisa i razvitija zhanra puteshestvij v russkoj literature = The travel genre origin and evolution in Russian literature. Moskva, 1979. 24 s.
8. Guminskij V. M. Russkaja literatura puteshestvij v mirovom istoriko-kul'turnom kontekste = Russian travel literature in the global historical and cultural context. Moskva: IMLI RAN, 2017. 605 s.
9. Zhdanov S. S. Idillicheskij obraz Germanii v russkom sentimentalizme rubezha XVIII–XIX vekov (na materiale proizvedenij N. M. Karamzina i F. P. Lubjanovskogo) = The idyllic image of Germany in Russian sentimentalism at the turn of XVIII–XIX centuries (based on N. M. Karamzin and F. P. Lubianovsky's works) // Sibirskij filologicheskij zhurnal. 2018. № 2. S. 53–66.
10. Zhdanov S. S. Obraz Germanii v otechestvennyh travelogah rubezha XVIII–XIX vv.: prirodnoe i chelovecheskoe prostranstva (k postanovke problemy) = The image of Germany in Russian travelogues at the turn of XVIII–XIX centuries: natural and human spaces (toward stating the problem) // Vestnik Tomskogo gos. un-ta. Ser. Filologija. 2017. № 49. S. 168–187.
11. Zhukovskij V. A. Poln. sobr. soch. i pisem: V 20 t. T. 16. Pis'ma 1818–1827 godov = Complete works and letters: In 20 vols. V. 16. Letters of 1818–1827. Moskva: Izdatel'skij dom JaSK, 2020. 1152 s.
12. Ivashina E. S. O specifikhe zhanra «puteshestvija» v russkoj literature pervoj treti XIX v. = On specificity of the «travel» genre in Russian literature of the early XIX century // Vestnik Mosk. un-ta. Ser. 9. Filologija. 1979. № 3. S. 3–16.
13. Karamzin N. M. Pis'ma russkogo puteshestvennika = Letters of Russian travelers. Leningrad: Nauka, 1984. 717 s.
14. Kireevskij I. V. Pis'ma. 1816–1839 = Letters. 1816–1839 // Kireevskij I. V. Poln. sobr. soch. i pisem: V 3 t. Sankt-Peterburg: Rostok, 2018. T. 1. S. 183–427.
15. Kozlov S. A. Russkij puteshestvennik jepohi Prosveshhenija = Russian traveler of the Enlightenment era. Sankt-Peterburg: Istoricheskaja illjustracija, 2003. 496 s.
16. Kul'bickaja O. V. Destinacija kak jelement travelogemy: sposoby metaforizacii i osvoenija prostranstva = Destination as an element of the travelogeme: ways of metaphorizing and appropriating space // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2018. № 9 (87). Ch. 2. S. 271–275.
17. Kuneus Z. Russkie studenty v berlinskom universitete v 1837–1839 gg. = Russian students at Berlin university, 1837–1839 // Iz istorii russko-nemeckih literaturnyh vzaimosvjazej / pod red. V. I. Kuleshova i V. Fejherherd. Moskva: Izd-vo MGU, 1987. S. 88–96.
18. Lebedeva O. B., Janushkevich A. S. Germanija v zerkale russkoj slovesnoj kul'tury XIX – nachala XX veka = Germany in the mirror of Russian literary culture of XIX – early XX century. Köln: Bohlau Verlag, 2000. 274 s.
19. Morozova N. G. Grani vosprijatija Germanii v kontekste russkoj literatury «puteshestvij» = Aspects of perceiving Germany in the context of Russian «travel» literature // Filologija i chelovek. 2008. № 2. S. 9–17.
20. Morozova N. G. Jekfrasis v russkom traveloge konca XVIII v. = Ecphrasis in Russian travelogues of the late XVIII century // Al'manah sovremennoj nauki i obrazovanija. Tambov: Gramota, 2007. № 3. Ch. 1. S. 162–165.
21. Nikonova N. E. V. A. Zhukovskij i nemeckij mir = V.A. Zhukovsky and the German world. Tomsk, 2013. 45 s.
22. Penskaja E. N. Travelog kak polilog (Tipologija zhanra v semejnyh memuarah Saliasov – Suhovo-Kobylynyh) = Travelogue as a polylogue (Genre typology in the family memoirs Saliasov – Sukhovo-Kobylyns) // Rossija – Italija – Germanija: literatura puteshestvij. Tomsk: Izd-vo Tomskogo gos. un-ta, 2013. S. 416–465.
23. Ponomarev E. R. Tipologija sovetskogo puteshestvija: «Puteshestvie na Zapad» v literature mezhoennogo perioda = Soviet travel typology: 'Traveling to the West' in the literature of the interwar period. 2-e, ispr. i dop. Sankt-Peterburg: Izd-vo SPbGUKI, 2013. 412 s.
24. Roboli T. A. Literatura «puteshestvij» = The «travel» literature // Russkaja proza. Sb. st. / pod red. B. M. Jejhenbauma i Ju. N. Tynjanova. Leningrad: Academia, 1926. S. 42–73.
25. Rozhalin N. M. Otryvki iz chastnyh pisem russkogo puteshestvennika = Excerpts from Russian travelers' private letters // Moskovskij vestnik. 1830. Vyp. 2. S. 296–303.

26. Rudnickaja E. L. Poisk puti. Russkaja mysl' posle 14 dekabnja 1825 goda = Search for the way. Russian thought after December 14, 1825. Moskva : Jeditorial URSS, 1999. 272 s.

27. Sipovskij V. V. N. M. Karamzin – avtor «Pisem russkogo puteshestvennika» = N.M. Karamzin is the author of Letters of a Russian Traveler. Sankt-Peterburg, 1899. 579 s.

28. Topolova O. S. «Opisanie» kak zhanrovaja raznovidnost' svetskih putevyh zapisok vtoroj poloviny XVIII veka = «Description» as a genre variety of secular travel notes of the second half of XVIII century // Vestnik Rjazanskogo gos. un-ta im. S. A. Esenina. 2013. № 1 (38). S. 65–72.

29. Farafonova O. A. Marshruty russkih travelogov XVIII veka = Russian travelogue routes in XVIII century // Russkij travelog XVIII–XX vekov: marshruty,

toposy, zhanry i narrativy. Novosibirsk : Izd-vo NGPU, 2016. S. 261–285.

30. Frizman L. G. Ivan Kireevskij i ego zhurnal «Evropeec» = Ivan Kireevsky and his magazine The European // Evropeec. Zhurnal I. V. Kireevskogo. 1832 / podg. izd. L. G. Frizmana. Moskva : Nauka, 1989. S. 285–479.

31. Shpak G. V. Travelog: poisk universal'noj definicii. Chetyre strategii reprezentacii prostranstva = The travelogue: searching for a universal definition. Four strategies of representing space // Prepodavatel' XXI vek. 2016. № 2–3. S. 261–267.

32. Shul'gun M. Je. Problema zhanrovoj i meta-zhanrovoj specifiki puteshestvij = The issue of genre and meta-genre travel specificity // Russkaja literatura. Issledovanija. Sb. nauch. tr. Kiev, 2012. Vyp. 16. S. 141–159.

Статья поступила в редакцию 15.02.2023; одобрена после рецензирования 20.03.2023; принята к публикации 27.04.2023.

The article was submitted on 15.02.2023; approved after reviewing 20.03.2023; accepted for publication on 27.04.2023.